

Эллери Куин

**Неизвестная рукопись
Доктора Уотсона**

Куин Э.

Неизвестная рукопись Доктора Уотсона / Э. Куин —

Популярность Шерлока Холмса – героя романов и рассказов Артура Конан Дойла заставила многих писателей продолжить приключения великого сыщика с Бейкер – стрит. Это наиболее интересная вариация о Шерлоке Холмсе. Читателя несомненно заинтересует повесть Эллери Куин `Этюд о страхе`.

Содержание

ЭЛЛЕРИ НАЧИНАЕТ	5
ИЗ ЗАПИСОК ДЖОНА УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ	8
Глава 1	9
ЭЛЛЕРИ ПРОДОЛЖАЕТ	15
Глава 2	16
ЭЛЛЕРИ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ ДОКТОРА УОТСОНА (ЭТЮД О СТРАХЕ) ЭЛЛЕРИ КУИН

ЭЛЛЕРИ НАЧИНАЕТ

Эллери размышлял.

И довольно долго.

Потом встал, схватил десять страниц только что отпечатанного текста и разорвал их на четыре неровные части.

Он хмуро смотрел на смолкшую пишущую машинку. Она с издевкой смотрела на него. Зазвонил телефон, и он бросился к нему.

– Ну что ты рычишь на меня, – послышался голос, в котором звучали тоскливые нотки. – Я же развлекаюсь, как приказано.

– Отец! Это у меня сорвалось. Понимаешь, сюжет никак не вытанцовывается. Как там на Бермудах?

– Солнце печет, вода синяя, и столько песку кругом, что тошно. Я собираюсь домой.

– Ну нет, – твердо ответил Эллери. – Эта поездка стоила мне кучу денег, и я хочу, чтобы мои расходы окупились.

Инспектор Куин жалобно вздохнул.

– Ты настоящий диктатор, когда это касается меня. Можно подумать, что я инвалид.

– Ты переутомился.

– Может, все-таки договоримся? – с надеждой в голосе спросил инспектор Куин.

– Тебе приказано расслабиться, отдохнуть и ни о чем не думать.

– Ну ладно, ладно. Тут напротив моего домика идет игра – метание колец в цель. Может, сыграю.

– Давай, отец, завтра позвоню, узнаю счет.

Эллери положил трубку и с ненавистью взглянул на пишущую машинку. Проблема осталась нерешенной. Он обогнул стол и зашагал по комнате.

Тут, к счастью, зазвонил звонок в парадную дверь.

– Оставьте сэндвичи на столе, – крикнул Эллери, – и возьмите деньги.

Посетитель не послушался. Он прошел из передней в комнату, где изнывал великий человек. Эллери проворчал:

– Это вы? Я думал, это рассыльный из кулинарии.

Грант Эймс-третий с бесцеремонностью привилегированного бездельника-миллионера двинулся прямо к бару. Он сунул туда большой конверт из грубой бумаги, который держал в руках, и взял бутылку виски и бокал.

– Кстати, я тоже кое-что принес, – объявил Эймс, – и почище ваших сэндвичей. – Он уселся на диван. – Неплохое у вас виски, Эллери.

– Рад, что вам нравится. Возьмите бутылку с собой. Я работаю.

– Но я требую особого отношения к себе как ваш почитатель. Я ведь проглатываю все ваши книги.

– Которые вы берете у своих неразборчивых Друзей, – проворчал Эллери.

– Это несправедливо, – сказал Грант, подливая себе виски. – Прощения будете просить, когда узнаете, зачем я пришел.

– Зачем же?

– Я ведь сказал, что принес кое-что. Вы разве не слышали?

– Что именно?

– Вон тот конверт. Возле бутылки джина.

Эллери повернул голову в указанном направлении, но Грант остановил его.

– Сперва я должен ввести вас в курс дела. Маэстро.

Снова раздался звонок в дверь. На этот раз прибыли сандвичи. Эллери вышел в прихожую и вернулся с набитым ртом.

– Почему вы не хотите работать, Грант? Устройтесь к своему отцу на один из его консервных заводов. Или наймитесь сборщиком гороха. Кем хотите, только оставьте меня в покое. Повторяю, мне надо работать.

– Не перескакивайте на другую тему, – сказал Грант-третий. – У вас там случайно не маринованный огурчик? Обожаю маринованные огурцы.

Эллери протянул ему ломтик огурца и бухнулся в кресло.

– Ну ладно,, валяйте. Покончим с этим поскорее. Вы хотели ввести меня в курс дела. Какого?

– Сперва о том, с чего все началось. Вчера после обеда собралась компашка в Уэстчестере. Я в том числе. Поразмялись немного.

– Везет же людям, – сказал Эллери с завистью.

– Поплавали, поиграли в теннис и прочее. Народу было немного.

– Большинство людей имеет скверную привычку в будни после обеда работать.

– Ради Бога, не порите чушь. Меня этим не устыдите, – сказал светский повеса. – Я вам оказываю услугу. Ко мне таинственным образом попадает конверт, и я доставляю его вам на дом согласно просьбе.

– Чьей просьбе?

Эллери еще ни разу не взглянул на конверт.

– Не имею ни малейшего представления. Когда я собрался улизнуть, то обнаружил на сиденье моего «ягуара» конверт. На нем было написано: «Передайте, пожалуйста, Эллери Куину». Сдается мне, что это человек, который до того вас боится, что не решился сделать это сам, и знает о нашей неразрывной дружбе.

– Скучная история. Послушайте, Грант, вы сами это придумали? Мне сейчас не до шуток. Сроки так поджимают, что дохнуть некогда. Пойдите лучше поболтайте с одной из ваших красоток.

– А конверт? – Грант вскочил, как истый атлет, взял конверт из бара и подал его Эллери. – Вот. Доставлен по назначению. Передан из рук в руки. Делайте с ним что хотите.

– А что я должен делать? – спросил Эллери кислым тоном.

– Понятия не имею. Это рукопись. Похоже, старая. Наверное, вы должны ее прочесть.

– Значит, вы посмотрели, что внутри?

– Счел своим долгом. Ведь могли писать отравленным пером или подсунуть порнографию. Подумал о вашей нравственности, дружище. Не мог поступить иначе.

Эллери нехотя, но без любопытства взял конверт.

– Почерк женский.

– Мне показалось, что содержание совершенно безвредное, – сказал Грант, вертя в руке бокал. – Безвредное, но примечательное.

– Стандартный конверт, – пробормотал Эллери, – для бумаги размером 8,5 на 11.

– Ей-богу, Эллери, у вас бухгалтерская душа. Вы хоть внутрь заглянули бы.

Эллери отогнул зажим и вынул из конверта тетрадь в картонно переплете, на котором крупным старомодным шрифтом было напечатано: «Для заметок».

– Действительно, – сказал он, – похоже, что тетрадь старая.

Грант с хитрой улыбкой следил за Эллери, который прочитал первую страницу, широко раскрыл глаза, перевернул ее, прочитал следующую, потом еще одну.

– Боже мой! – воскликнул он. – Это, кажется, одно из приключений Шерлока Холмса, описанное доктором Уотсоном! Притом оригинал!

– Думаете, подлинник?

Стальные глаза Эллери блеснули.

– Вы ведь сказали, что прочитали.

– Не мог удержаться.

– Вы знакомы со стилем Уотсона?

– Я почитатель Шерлока Холмса, Эллери Куина, Эдди По, – сказал Грант, одобрительно разглядывая виски в бокале. – Да, пожалуй, подлинник.

– Быстро вы определяете, друг мой. – Нахмурясь, Эллери посмотрел на пишущую машинку. Она казалась такой далекой.

– Я думал, вы заинтересуетесь.

– Я бы заинтересовался, если бы тут не было подвоха. Но неизвестная история о Холмсе! – Он полистал тетрадь. – Более того, судя по всему, роман. Неизвестный роман! – Он покачал головой.

– Вы не верите, что это подлинник?

– Я перестал верить в Санта Клауса в возрасте трех лет, Грант. Вы другое дело: Санта Клаус одаривает вас с колыбели.

– Значит, вы думаете, это подделка?

– Пока я еще ничего не думаю. Но миллион шансов против одного, что это подделка.

– Для чего нужно было проделывать такую работу?

– Для того же, для чего люди карабкаются на горы. Из спортивного интереса.

– Ну, прочтите хотя бы первую главу.

– Грант, у меня нет времени!

– Для нового романа о Шерлоке Холмсе? – Подойдя к бару Грант налил себе еще виски. – Я посижу здесь тихонько, поливая? виски, и подожду.

Он устроился поудобнее на диване, скрестив длинные ноги.

– Черт бы вас побрал. – Эллери долго с раздражением смотрел на тетрадь, потом вздохнул, точь-в-точь как его отец, сел и принялся за чтение.

ИЗ ЗАПИСОК ДЖОНА УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Глава 1

НАБОР ХИРУРГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

– Вы совершенно правы, Уотсон. Вполне возможно, что Потрошитель – женщина.

Было ясное утро осени 1888 года. Я уже не проживал постоянно на Бейкер-стрит, 221-б. После женитьбы, взяв на себя обязанность – причем приятнейшую – материально обеспечивать жену, я возобновил врачебную практику. Поэтому прежняя тесная связь с моим другом мистером Шерлоком Холмсом сменилась редкими встречами.

Что касается Холмса, то он без всяких на то оснований утверждал, что «злоупотребляет моей отзывчивостью», когда пользуется моими услугами в качестве помощника и доверенного лица. «Вы так умеете слушать, дружище», – говорил он обычно, и это вступление всегда доставляло мне удовольствие, ибо предвещало, что мне вновь может выпасть честь разделить с ним опасности и волнения нового расследования. Благодаря этому нить моей дружбы с великим сыщиком не обрывалась.

Моя жена, самая чуткая из женщин, воспринимала эти отношения с редким терпением. Постоянные читатели моих несовершенных повествований о делах, которые расследовал Шерлок Холмс, помнят ее как Мэри Морстен, с которой меня свела счастливая случайность, когда вместе с Холмсом я был занят делом, озаглавленным мною «Знак четырех». Преданная жена, каких мало, она коротала долгие вечера в одиночестве, пока я разбирал свои заметки о старых приключениях Холмса.

Однажды утром за завтраком Мэри сказала;

– Я получила письмо от тети Агаты.

Я отложил газету.

– Из Корнуолла?

– Да. Бедняжка. Жизнь старой девы такая одинокая. А теперь врач уложил ее в постель.

– Надеюсь, ничего серьезного.

– Она об этом не пишет. Но ей уже скоро восемьдесят, и кто знает...

– Она совершенно одна?

– Нет, с ней Бет, моя старая нянюшка, да еще работник, который следит за домом и участком.

– Приезд любимой племянницы, конечно, был бы для нее полезнее всех лекарств мира.

– Она прямо не просит, скорее, робко намекает, но я колеблюсь...

– Я думаю, тебе надо поехать, Мэри. Недельки две в Корнуолле и тебе пойдут на пользу.

В последнее время ты немного побледнела.

Мои слова были вполне искренними, но отчасти они были подсказаны другой, более мрачной мыслью. Не будет преувеличением сказать, что в то утро в 1888 году всякий мужчина в Лондоне, обладающий чувством ответственности, рад был бы отправить свою жену, сестру или возлюбленную из города, представься ему такая возможность. Причина для этого была одна, и весьма веская. Ночами по улицам и темным переулкам рыскал Джек Потрошитель.

И хотя наш тихий домик в Паддингтоне находился далеко от Уайтчэпела, где орудовал маньяк, кто мог быть спокоен? Когда речь шла об этом чудовище, логика не помогала.

Мэри задумчиво вертела конверт.

– Мне не хочется оставлять тебя одного, Джон.

– Уверяю тебя, я вполне справлюсь один.

– Но тебе тоже полезно переменить обстановку, и в твоей практике как будто затишье.

– Ты мне предлагаешь поехать с тобой?

Мэри рассмеялась.

– Упаси Бог! В Корнуолле ты бы с ума сошел от скуки. Лучше сложи чемодан и погости у своего друга Шерлока Холмса. Я знаю, что тебе всегда рады на Бейкер-стрит.

Боюсь, я не слишком сопротивлялся. Предложение Мэри было весьма соблазнительным. Итак, отправив ее в Корнуолл и быстро уладив дела, связанные с практикой, я перебрался к Холмсу, не только к своему, но, лицу себя надеждой, и к его удовольствию.

Поразительно, с какой легкостью мы возобновили заведенный распорядок. Хотя я знал, что уже не смогу довольствоваться прежней холостой жизнью, вновь обретенная близость к Холмсу была восхитительна. И это подводит меня несколько кружным путем к неожиданному восклицанию Холмса: «Никоим образом нельзя исключить возможность того, что чудовище окажется женщиной!» Знакомая таинственная манера, и, должен признаться, я был несколько раздражен.

– Послушайте, Холмс, во имя всего святого, я ведь никак не дал вам понять, что такая мысль мелькнула у меня в голове.

Холмс улыбнулся, наслаждаясь игрой.

– Сознайтесь же, Уотсон, что это так.

– Ну хорошо, но...

– И вы не правы, утверждая, что не выдали своих мыслей.

– Но я сидел спокойно, фактически неподвижно, и читал «Тайме».

– Ваши глаза и голова вовсе не были неподвижны. Читая, вы остановили взгляд на крайней колонке слева, в которой описывается новое злодеяние Джека Потрошителя. Немного спустя вы отвели взор от заметки и возмущенно нахмурились. Было очевидно, что вы думаете о том, как это такое чудовище безнаказанно бродит по улицам Лондона.

– Совершенно верно.

– Потом, дружище, ваш взгляд остановился на журнале «Стрэнд мэгэзин», который лежит возле вашего стула. Он раскрыт на рекламе фирмы Белделл, предлагающей вечерние туалеты для дам якобы по умеренным ценам. Один из туалетов демонстрирует манекенщица. Выражение вашего лица сразу изменилось. Оно стало задумчивым. Это выражение сохранялось до тех пор, пока вы не перевели взгляд на портрет ее величества, висящий над камином. Мгновение спустя черты вашего лица разгладились, и вы кивнули головой. Вы укрепились в мысли, которая пришла вам на ум. В этот момент я выразил согласие с предположением, что Потрошитель может оказаться женщиной.

– Но, Холмс...

– Полноте, Уотсон. После отставки ваша проницательность притупилась.

– Но ведь когда я взглянул на рекламу в «Стрэнде», мне могла прийти в голову любая мысль.

– Не согласен. Ваш ум полностью поглощен историей Потрошителя, и, конечно, реклама дамских вечерних платьев слишком далека от ваших обычных интересов, чтобы отвлечь ваши мысли. Следовательно, идея, которая у вас возникла, должна была быть связана с вашими мыслями о злодее. Вы подтвердили это, подняв глаза на портрет королевы на стене.

– Позвольте спросить, как это могло выдать мою мысль? – воскликнул я запальчиво.

– Разумеется, Уотсон, вы не заподозрили ни манекенщицу, ни нашу милостивую королеву. Следовательно, вы рассматривали их просто как женщин.

– Допустим, – сказал я, – но разве не разумнее предположить, что я думал о них как о возможных жертвах?

– В этом случае у вас на лице появилось бы сострадание, а не выражение гончей, внезапно напавшей на след.

Я был вынужден признать поражение.

– Холмс, вы опять губите себя своей откровенностью.

Холмс нахмурил густые брови.

– Не понимаю.

– Представьте себе, какое впечатление вы производили бы, если бы отказались пояснять ваши поразительные дедукции.

– Но какой ценой для ваших мелодраматических повествований о моих скромных заслугах, – сказал он сухо.

Я поднял руки в знак капитуляции, и Холмс, который и улыбался-то не слишком часто, рассмеялся от души вслед за мной.

– Поскольку вы заговорили о Джеке Потрошителе, – сказал я, – разрешите задать вам вопрос: почему вы до сих пор не заинтересовались этим делом, Холмс? Вы оказали бы великую услугу жителям Лондона.

Холмс нетерпеливо махнул своими длинными тонкими пальцами.

– Я был занят. Как вам известно, я совсем недавно вернулся с континента, где мэр некоего города попросил меня разгадать прелюбопытную загадку. Зная ваш склад ума, я полагаю, вы назвали бы это дело «История безногого велосипедиста». Когда-нибудь я передам вам все детали для ваших записок.

– Буду счастлив! Но вы уже вернулись в Лондон, Холмс, а чудовище терроризирует город. Я полагал, вы совете себя обязанным.

Холмс сказал сердито:

– Я никому и ничем не обязан.

– Прошу, поймите меня правильно...

– Сожалею, мой дорогой Уотсон, но вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы не сомневаться в моем полном безразличии к подобному делу. Разве я не искал обычно проблем интеллектуального характера? Разве меня не притягивали всегда противники крупных масштабов? Подумаешь, Джек Потрошитель! Какую особую проблему может представлять этот полоумный? Кровожадный кретин, рыскающий по улицам после наступления темноты и бьющий наугад.

– Он поставил в тупик лондонскую полицию.

– Смею заметить, что это говорит скорее о беспомощности Скотленд-Ярда, нежели об особой находчивости Потрошителя.

– Но все же...

– Это скоро кончится. Думаю, что в одну из ближайших ночей Лестрейд споткнется о Потрошителя в момент, когда маньяк будет совершать убийство, и победоносно передаст его в руки правосудия.

Скотленд-Ярд постоянно раздражал Холмса своей неповоротливостью.

Звонок в дверь порвал наш разговор. Прошло несколько минут, и мы услышали шаги миссис Хадсон, поднимавшейся по лестнице. Когда она вошла, я с удивлением увидел у нее в руках пакет в оберточной бумаге и ведро с водой. На лице ее был написан откровенный страх.

Холмс расхохотался, второй раз за утро.

– Не бойтесь, миссис Хадсон. Пакет кажется вполне безобидным. Я уверен, что вода нам не понадобится.

– Вам виднее, мистер Холмс. После прошлого случая я боялась рисковать.

– Ваша осторожность весьма похвальна, – оказал Холмс, беря пакет.

Когда его многострадальная хозяйка ушла, он пояснил:

– Совсем недавно миссис Хадсон принесла мне пакет. Это было после того, как я привел к благополучному исходу одно пренеприятное дельце, и пакет был послан мстительным джентльменом, который недооценил остроту моего слуха. Я услышал тиканье механизма и попросил ведро воды. Этот инцидент так перепугал миссис Хадсон, что она до сих пор не оправилась.

– Неудивительно!

– Ну так что же нам принесли? Хм, размер примерно пятнадцать дюймов на шесть. Четыре дюйма толщины. Аккуратная упаковка. Простая оберточная бумага. Почтовый штемпель Уайтчэпела. Фамилия и адрес написаны рукой женщины, которая, я бы сказал, редко держит перо в руках.

– Весьма возможно, судя по каракулям. И почерк, несомненно, женский.

– Значит, вы согласны, Уотсон? Прекрасно! Заглянем внутрь?

– Разумеется.

Появление пакета вызвало живой интерес Холмса. Я уж не говорю о себе. Его глубоко посаженные серые глаза заблестели, когда он, развернув бумагу, достал плоский кожаный футляр и протянул его мне.

– Что вы скажете по этому поводу, Уотсон?

– Это набор хирургических инструментов. – Кому лучше знать, чем вам! Не считаете ли вы, что это дорогая вещь?

– Да, кожа высшего качества. И работа превосходная.

Холмс положил футляр на стол. Он открыл, его, и мы замолчали. Это был стандартный набор инструментов. Каждый из них покоился в соответствующем углублении в темно-красном бархате, которым футляр был обит изнутри. Одно углубление было пусто.

– Какого инструмента недостает, Уотсон?

– Большого скальпеля.

– Ножа для вскрытия, – кивнул Холмс, протирая увеличительное стекло. – О чем же говорит нам этот футляр? – Он внимательно осмотрел сам футляр и его содержимое. – Начнем с очевидного: эти инструменты принадлежали медику, который впал в нужду.

Вынужденный, как обычно, признать свою слепоту, я пробормотал:

– Боюсь, что это более очевидно для вас, чем для меня.

Занятый осмотром, Холмс ответил рассеянно:

– Если бы вы оказались в стесненных обстоятельствах, Уотсон, что из своего имущества вы отнесли бы в ломбард в последнюю очередь?

– Конечно, мои медицинские инструменты, но...

– Вот именно.

– Почему вы считаете, что эти инструменты были заложены?

– Имеются два доказательства. Посмотрите вот сюда через увеличительное стекло.

Я посмотрел на указанное место.

– Вижу белое пятнышко.

– Это порошок для чистки серебра. Ни один хирург не станет чистить инструмент таким порошком. Эта же были начищены, как простые столовые приборы, кем-то, кого заботил только их внешний вид.

– После вашего объяснения не могу не согласиться. Какое же второе доказательство?

– Видите пометку мелом на боковой плоскости футляра? Она почти стерлась, но если вы присмотритесь, то увидите, что это номер. Такой номер ростовщик обычно пишет мелом на закладываемом предмете. Очевидно, он соответствует номеру на квитанции.

Я почувствовал, как краска бросилась мне в лицо. Теперь это было ясно, как день.

– Значит, футляр был украден! – воскликнул я. – Украден у хирурга и заложен за гроши в ломбарде.

Я уверен, что читатели простят мое негодование: мне было трудно поверить, что врач, даже при самых стесненных обстоятельствах, расстанется с инструментами, необходимыми для его благородной миссии. Холмс, однако, не замедлил вывести меня из заблуждения.

– Боюсь, мой дорогой Уотсон, – сказал он жизнерадостным тоном, – Что вы не улавливаете более тонкого смысла этой вещественной улики. Ростовщики – хитрые бестии. Они оценивают не только вещи, но и людей, которые их приносят. Это их профессиональная черта.

Если бы ростовщик питал малейшее подозрение, что набор украден, он бы не выставил его в витрине, что, как вы, конечно, заметили, он сделал.

– Конечно, не заметил! – воскликнул я. – Откуда вы можете знать, что футляр лежал на витрине?

– Посмотрите внимательно, – сказал Холмс. – Футляр лежал в раскрытом виде в месте, куда падало солнце. Разве не свидетельствует об этом выгоревшая полоска на бархатной обивке с внутренней стороны крышки? Более того, этот край настолько выцвел, что, видимо, футляр пролежал там довольно долго.

Я мог лишь кивнуть. Как всегда, стоило Холмсу пояснить свои поразительные наблюдения, как они начинали казаться примитивно простыми.

– Жаль, – сказал я, – что мы не знаем, где находится ломбард, а то, пожалуй, стоило бы выяснить, откуда появился этот любопытный подарок.

– Быть может, в свое время выясним, Уотсон, – сказал Холмс с отрывистым смешком. – Ломбард, о котором идет речь, находится вдали от людных улиц. Он смотрит на юг и расположен на узкой улочке. Дела ростовщика отнюдь не блестящи. Можно еще отметить, что он родом иностранец. Вы, конечно, видите все это?

– Ничего подобного я не вижу, – сказал я, вновь уязвленный.

– Напротив, – проговорил Холмс, соединяя кончики пальцев и ласково глядя на меня, – вы все это видите, мой дорогой Уотсон, но вы не делаете никаких выводов. Разберем мои заключения по порядку. Эти инструменты были бы с радостью приобретены одним из многочисленных студентов-медиков в Лондонском Сити, что, несомненно, произошло бы, находишь ломбард на большой проезжей улице. Отсюда я делаю вывод, что он расположен поодаль от людных улиц.

– Но почему именно на южной стороне узкой улочки?

– Обратите внимание на то, где находится выгоревшее место. Это ровная полоска у верхнего края бархатной подкладки. Следовательно, солнце падало на открытый футляр, когда находилось в зените, и здания на противоположной стороне улицы не закрывали его лучи. Значит, ломбард находился на южной стороне узкой улицы.

– А как вы определили, что ростовщик по происхождению иностранец?

– Взгляните на цифру семь в номере закладной, написанной мелом сбоку футляра. Вертикальную палочку перекрещивает короткая перекладина. Только иностранцы перекрещивают семерки таким образом.

Я снова почувствовал себя как пятиклассник, забывший слова национального гимна.

– Холмс, Холмс, – сказал я, качая головой, – я никогда не перестану вам удивляться... Но он не слушал. Он вновь нагнулся над футляром и просунул щипчики под бархатную подкладку. Она поддалась, и он отогнул ее.

– Ага! Что это, не попытка ли сокрытия?

– Сокрытия чего? Пятен? Царапин?

– Вот чего, – сказал он, указывая своим тонким длинным пальцем.

– Да ведь это герб!

– И, признаюсь, мне неизвестный. Поэтому, Уотсон, будьте добры, подайте мне «Справочник пэров» Бэрка.

В то время как я послушно направился к книжным полкам, он продолжал рассматривать украшение наверху гербового щита, бормоча себе под нос: «Тиснение по коже футляра. Поверхность по-прежнему в прекрасном состоянии». Он распрямился.

– Ключ к личности человека, которому принадлежал набор инструментов. – Он, видимо, аккуратно обращался со своими вещами.

– Возможно, но я имел в виду... Он не закончил фразу. Я протянул ему справочник Бэрка, и он начал быстро листать его.

– Нашел!

Бегло рассмотрев герб, Холмс закрыл книгу, положил ее на стол и сел на стул, уставившись в одну точку своим пронзительным взглядом.

Я не мог больше скрывать нетерпение.

– Чей это герб, Холмс?

– Прошу прощения, Уотсон, – сказал Холмс, очнувшись, – Шайрса. Кеннета Осборна, герцога Шайрского.

Это имя было мне хорошо известно, как, впрочем, всей Англии.

– Блестящий род.

Холмс рассеянно кивнул.

– Его владения, если не ошибаюсь, находятся в Девоншире, на краю болот, среди охотничьих угодий, пользующихся популярностью у спортсменов-аристократов. Помещичий дом – внешне он скорее напоминает феодальный замок – стоит уже четыреста лет, классический образец готического стиля. Я мало знаком с историей Шайрсов, если не считать того общеизвестного факта, что это имя никогда не было связано с преступным миром.

– Значит, Холмс, – сказал я, – мы снова возвращаемся к первоначальному вопросу.

– Поистине так.

– А именно: почему вам послали этот набор инструментов?

– Трудный вопрос.

– Может быть, объяснительное письмо задержалось?

– Не исключено, что вы попали и точку, Уотсон, – сказал Холмс. – Поэтому я предлагаю предоставить лицу, приславшему его, немного времени, скажем до... – Он сделал паузу и протянул руку за потрепанным Брэдшоу, отличным справочником движения английских поездов. – .. До завтра, 10.30 утра. Если к этому времени мы не получим объяснения, нам придется отправиться на Паддингтонский вокзал и сесть на девонширский экспресс.

– С какой целью. Холмс?

– С двоякой. Во-первых, короткое путешествие по сельской местности в это время года, когда природа меняет краски, подействует освежающе на двух замшелых лондонцев. – А во-вторых?

Аскетическое лицо Холмса озарилось странной улыбкой.

– Справедливость требует, – сказал мой друг Холмс, – чтобы собственность герцога Шайрского была возвращена ему, не правда ли? – Он вскочил и взял в руки скрипку.

– Погодите, Холмс! – воскликнул я. – Здесь что-то кроется, о чем вы мне не сказали.

– Нет, нет, мой дорогой Уотсон, – сказал он, отрывисто ударяя смычком по струнам. – Просто у меня такое предчувствие, что нам предстоит трудное плавание.

ЭЛЛЕРИ ПРОДОЛЖАЕТ

Эллери оторвался от рукописи. Грант Эймс-третий продолжал потягивать виски.

– В конце концов печень вас подведет, – сказал Эллери.

– Брюзга вы, больше никто, – ответил Эймс. – Но в данный момент, сынок, я чувствую себя частицей истории. Актер на великой сцене.

– Который пьет горькую?

– Скажите, какой моралист. Я говорю о рукописи. В 1888 году Шерлок Холмс получил таинственный набор хирургических инструментов. Он мобилизовал свои выдающиеся способности и пустился в одно из своих замечательных приключений. Три четверти века спустя другой пакет приносят другому знаменитому сыщику.

– К чему вы клоните? – проворчал Эллери, явно раздираемый между рукописью доктора Уотсона и бездействующей пишущей машинкой.

– Единственное, что остается сделать, чтобы завершить историческую аналогию, – это нацелить современный талант на современные приключения. Действуйте, мой дорогой Эллери. А я сыграю роль Уотсона.

Эллери поморщился.

– Конечно, вы можете усомниться в моей пригодности. Но должен сказать, что я тщательно следил за каждым шагом великого детектива.

Эллери наконец пробрало. Он неприязненно посмотрел на своего гостя.

– Ах, так? Такой вы умник! Ладно, проверим. Кавычки открываются: «Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством...

– Рональда Адера». Кавычки закрываются, – быстро подхватил Эймс. – «Пустой дом» из «Возвращения Шерлока Холмса».

– Кавычки открываются: «В ее руке блеснул маленький пистолет. Один выстрел, другой, третий...

– Дуло пистолета было в полуметре от груди Милвертона». Кавычки закрываются. «Конец Чарльза Огастена Милвертона».

– Браво, Уотсон! Кавычки открываются: «Эти люди, придавленные, но не растоптанные, опустившиеся на дно общества, но не низкие».

– Кавычки закрываются. – Светский повеса зевнул. – Оставьте ваши детские попытки поймать меня. Вы процитировали себя из «Игрока противной стороны».

Эллери усмехнулся. Оказывается, этот субъект интересуется не только самодовольными красотками и дорогим виски.

– Очко в вашу пользу. Но я уверен, что смогу подловить вас.

– И я уверен, что сможете, если потянете подольше, но это ни к чему. Приступайте к делу, мистер Куин. Вы прочли первую главу рукописи? Если вы неспособны на куиновские дедукции, никогда больше не возьму у знакомых ни одной вашей книжки.

– Единственное, что я могу сказать в данный момент, – это что почерк, который якобы принадлежит Уотсону, аккуратный, твердый, но временами неразборчивый.

– Далеко вам до Холмса, дружище. Вопрос состоит в том, действительно ли это почерк Уотсона? Подлинная ли это рукопись? А ну-ка, Куин, продемонстрируйте свои способности.

– Да замолчите вы наконец! – воскликнул Эллери и принялся читать дальше.

Глава 2

ЗАМОК НА БОЛОТЕ

В более поздний период своей жизни мой друг Шерлок Холмс, как я писал в другом месте, удалился от лихорадочного темпа жизни Лондона и завел – подумать только! – пчел в Саут Даунсе. Он, таким образом, закончил свою карьеру без всяких сожалений, посвятив себя этому виду сельской деятельности с той же целеустремленностью, с какой он выслеживал столь многих хитрейших преступников. Но в ту пору, когда Джек Потрошитель орудовал на улицах и в переулках Лондона, Холмс был еще убежденным горожанином. Все его способности были настроены на смутные нюансы лондонских рассветов и сумерек. Омерзительная вонь какого-нибудь закоулка в Сохо заставляла его ноздри трепетать, тогда как запах весны, пробуждавший сельских жителей, мог привести его в сонное состояние.

Поэтому я с удивлением и удовлетворением наблюдал, с каким интересом Холмс всматривался в пейзаж, мелькавший за окном экспресса, который мчал нас в то утро в Девоншир. Он сосредоточенно смотрел в окно и внезапно распрямил свои худые плечи.

– Ах, Уотсон, как бодрит свежий воздух приближающейся зимы.

В тот момент я не разделял этого мнения, ибо воздух в купе был отравлен вонючей сигарой, которую держал в зубах старый хмурый шотландец, ехавший вместе с нами. Холмс, казалось, не замечал дурного запаха. За окном вспыхивали яркие осенние краски листьев. – О Англия, Уотсон, сей второй Эдем, почти что рай!

Я знал перефразированную цитату¹ и был вдвойне поражен. Мне, конечно, была известна сентиментальная жилка в характере моего друга, но он редко допускал, чтобы она пробила броню научного склада его натуры. И все же гордое сознание принадлежности к своей стране по праву рождения – это национальная черта британца, и Холмс не был исключением.

По мере того как мы приближались к цели нашего путешествия, его жизнерадостный вид сменился задумчивой миной. Мы проезжали по болотистой местности, вдоль бесконечной трясины и всяких кочек, которые, подобно струпьям, уродовали лицо Англии. И словно природа решила создать подобающий фон, солнце скрылось за густыми облаками, и, казалось, мы погрузились в вечные сумерки.

Вскоре мы сошли на платформу небольшой деревенской станции. Холмс засунул руки в карманы, его глубоко посаженные глаза горели, как это часто бывало, когда он был захвачен очередной проблемой.

– Вы помните дело Баскервилей, Уотсон, и проклятие, которое омрачало их жизнь?

– Еще бы.

– Мы находимся недалеко от их владений. Но, конечно, мы направляемся в противоположную сторону.

– Тем лучше. Эта собака – порождение ада – все еще преследует меня во сне.

Я был заинтригован. Обычно, когда Холмс приступал к расследованию, он тщательно осматривал окружающую местность, мгновенно замечал каждую сломанную ветку и не обращал внимания на пейзаж. В такие моменты воспоминания были бы неуместны. Теперь его движения были нервными, беспокойными, словно он жалел, что поддался импульсу и отправился в путешествие.

– Уотсон, – сказал он, – давайте найдем повозку и побыстрее покончим с этим делом.

Пони, которого мы заполучили, несомненно, был сродни тем диким лошадам, которые носились среди болот, но был достаточно послушным и резво бежал по дороге от деревни к

---

¹ Уильям Шекспир. «Ричард II», акт II.

владениям Шайрсов. Вскоре показались башни замка Шайрс, придававшие еще более меланхолический вид местности.

– Охотничьи угодья там, дальше, – заметил Холмс. – Земли герцога разнообразны.

Он обвел взглядом представившуюся нам картину и добавил:

– Сомневаюсь, Уотсон, чтобы в этой зловещей каменной махине нас встретил веселый краснощекий хозяин.

– Почему вы так думаете?

– Люди с длинной родословной обычно отражают колорит окружающей среды. Вспомните Баскервиль-холл: там не было ни одного жизнерадостного лица.

Я не стал возражать. Мое внимание было приковано к унылой серой громаде замка. Некогда он был окружен рвом и имел подъемный мост. Однако нынешние поколения вверили защиту своей жизни местной полиции.

Ров был засыпан, и цепи подъемного моста не издавали скрипа уже много лет.

Дворецкий провел нас в холодную сводчатую гостиную, спросив наши имена, как Харон, переправлявший через Стикс. Вскоре я убедился в точности предсказаний Холмса. Более холодного и неприступного человека, чем герцог Шайрский, мне редко приходилось встречать.

Он был небольшого роста и производил впечатление чахоточного. Но это мне только показалось. При ближайшем рассмотрении у него оказался вполне здоровый цвет лица, и я почувствовал жилистую силу в его внешне хрупком теле.

Герцог не предложил нам сесть. Он отрывисто сказал:

– Вам повезло, что застали меня здесь. Еще час, и я уехал бы в Лондон. По какому вы делу?

Тон Холмса не выдавал его реакцию на дурные манеры аристократа.

– Мы постараемся не злоупотребить вашим временем дольше, чем это необходимо, ваша светлость. Мы приехали лишь для того, чтобы передать вам это.

Он протянул футляр с хирургическими инструментами, который мы завернули в простую оберточную бумагу и запечатали сургучом.

– Что это такое? – спросил герцог, не двигаясь.

– Я думаю, ваша светлость, – ответил Холмс, – что вам лучше самому вскрыть пакет и посмотреть.

Нахмурясь, герцог Шайрский развернул пакет.

– Где вы это взяли?

– К сожалению, я должен сперва просить вашу светлость опознать это как вашу собственность.

– Я никогда не видел этого раньше. Почему вам пришло в голову принести это мне?

Герцог открыл крышку и смотрел на инструменты, казалось, с неподдельным удивлением.

– Если вы отогнете подкладку, то обнаружите под ней причину, побудившую нас сделать это.

Герцог последовал совету Холмса, по-прежнему сохраняя недовольный вид. Я внимательно следил за тем, как он рассматривал герб, и наступила моя очередь удивляться. Выражение его лица изменилось. Тень улыбки тронула его тонкие губы, глаза оживились, и он смотрел на футляр с глубоким удовлетворением, чуть ли не с торжеством – иначе я не мог охарактеризовать его взгляд. Затем столь же быстро это выражение исчезло.

Я взглянул на Холмса в поисках объяснения, зная, что он не мог не заметить реакции аристократа. Но его проницательные глаза были полуприкрыты веками, лицо непроницаемо, как маска.

– Я уверен, ваша светлость, что вы получили ответ на свой вопрос, – сказал Холмс.

– Конечно, – ответил герцог небрежным тоном, словно отметая это дело как не представляющее никакого интереса. – Этот футляр мне не принадлежит.

– Тогда, быть может, ваша светлость укажет нам владельца?

– Полагаю, что это мой сын. Футляр, без сомнения, принадлежал Майклу.

– Он взят из лондонского ломбарда.

Герцог скривил губы в жестокой усмешке.

– Не сомневался в этом.

– В таком случае, если вы дадите нам адрес вашего сына...

– Сын, о котором я говорю, мистер Холмс, умер. Это мой младший сын.

Холмс мягко сказал:

– Я искренне сожалею, ваша светлость. Он умер от болезни?

– От очень тяжелой болезни. Он умер уже шесть месяцев назад.

Ударение, которое аристократ делал на слове «умер», показалось мне странным.

– Ваш сын был врачом?

– спросил я.

– Он учился на медицинском факультете, но потерпел неудачу, как, впрочем, во всем остальном. Н поэтому он умер.

Снова это странное ударение. Я посмотрел на Холмса, но его, казалось, больше интересовало пышное убранство этой сводчатой комнаты: взгляд его перескакивал с одного предмета на другой, а мускулистые руки были сцеплены за спиной.

Герцог Шайрский протянул футляр Холмсу.

– Поскольку, сэр, это не моя вещь, я возвращаю ее вам. А теперь прошу меня извинить, я должен собираться в дорогу.

Я был удивлен поведением Холмса. Бесцеремонное обращение с нами герцога не вызвало у него ни малейшего возмущения, хотя обычно Холмс не позволял никому топтать его коваными сапогами. Он почтительно поклонился и сказал:

– Не будем вас более задерживать, ваша светлость.

Поведение герцога было по-прежнему грубым. Он и не подумал дернуть шнурок звонка, чтобы позвать дворецкого, и нам пришлось самим отправиться на поиски выхода.

Как оказалось, нам повезло. Когда мы пересекали величественный холл, направляясь к наружной двери, из бокового входа вошли двое – мужчина и ребенок.

В отличие от герцога их вид не был враждебным.

Ребенок – девочка лет девяти-десяти – посмотрела на нас, и радужная улыбка осветила ее бледное личико. Мужчина, подобно герцогу, был хрупкого телосложения. Быстрый взгляд его больших блестящих глаз устремился на нас с вопросом, но выражал не более чем любопытство. Его смутное сходство с герцогом Шайрским позволяло сделать лишь один вывод. Это был другой его сын.

Появление этой пары не показалось мне чем-то необычайным, но, как видно, смутило моего друга Холмса. Он резко остановился, и футляр с инструментами, который он нес, упал. Рассыпавшиеся стальные инструменты загремели на каменном полу, и эти звуки отозвались во всем громадном холле.

– Какой же я неуклюжий! – воскликнул Холмс и с еще большей неуклюжестью загородил мне дорогу, когда я хотел собрать инструменты.

Мужчина с улыбкой подскочил и, опустившись на колени, сказал:

– Позвольте мне, сэр.

Столь же поспешно подбежала и девочка.

– Я помогу тебе, папа.

Мужчина улыбнулся еще шире.

– Конечно, дорогая. Мы вместе поможем джентльмену. Ты можешь подавать мне инструменты. Но осторожно, смотри не порежешься.

Мы молча наблюдали, как девочка подавала отцу блестящие инструменты один за другим. Его трогательная любовь к ней была очевидна. Он нехотя отрывал от нее взор, когда быстро клал инструменты в соответствующие углубления.

Покончив с этим, мужчина поднялся, но девочка продолжала осматривать каменные плиты пола.

– А последний, папа, куда делся?

– Похоже, что его не хватает, детка. Я не думаю, что он закатился.

Он вопросительно посмотрел на Холмса, который наконец вышел из странной задумчивости.

– Вы правы, сэр, его не хватает. Благодарю вас, и простите мою неловкость.

– Пустяки. Надеюсь, инструменты не пострадали. – Он протянул футляр Холмсу, который взял его с улыбкой.

– Не имею ли чести беседовать с лордом Карфаксом?

– Да, – приветливо ответил темноволосый мужчина, – а это моя дочь Дебора.

– Позвольте мне представить своего коллегу доктора Уотсона.

Я Шерлок Холмс.

Это имя, видимо, произвело впечатление на лорда Карфакса. Его глаза расширились от удивления.

– Доктор Уотсон, – пробормотал он, здороваясь со мной, но продолжая смотреть на Холмса, – и вы, сэр... Весьма польщен. Я читал о ваших подвигах.

– Ваша светлость слишком добры, – ответил Холмс.

Глаза Деборы засверкали. Она сделала реверанс и сказала:

– Для меня это тоже большая честь, джентльмены.

Она говорила с трогательной непосредственностью. Лорд Карфакс с гордостью наблюдал за ней, и все же я чувствовал в его облике какую-то грусть.

– Дебора, – сказал он серьезно, – ты должна запомнить знакомство с двумя знаменитыми джентльменами как значительное событие в твоей жизни.

– Конечно, папа, – ответила девочка с готовностью и послушанием.

Я был совершенно уверен, что она не слыхала ни об одном из нас.

Холмс закончил обмен любезностями, сказав:

– Мы приехали, ваша светлость, чтобы вернуть этот футляр с инструментами герцогу Шайрскому, которого я считал его законным владельцем.

– И обнаружили, что ошибались.

– Именно. Его светлость полагает, что, может быть, он принадлежал вашему покойному брату Майклу Осборну.

– Покойному?

– Его восклицание прозвучало скорее как усталая реакция, нежели как вопрос.

– Так нам дали понять.

Лицо лорда Карфакса приняло печальное выражение.

– Это так и не так. Мой отец, мистер Холмс, жесткий человек, не умеющий прощать, как вы, несомненно, заметили. Для него имя Осборна превыше всего. Он одержим желанием сохранить репутацию Шайрсов незапятнанной. Когда около шести месяцев тому назад он отрекся от моего младшего брата Майкла, то объявил его умершим. – Помолчав, он вздохнул. – Боюсь, что для отца Майкл мертв, даже если он еще жив. – А вам известно, – спросил Холмс, – жив или умер ваш брат?

Лорд Карфакс нахмурился и стал удивительно похож на герцога. Когда он заговорил, мне показалось, что тон его был уклончив. – Скажем так, сэр: я не располагаю фактическими доказательствами его смерти.

– Понятно, – ответил Холмс. Затем взглянул на маленькую Дебору Осборн и улыбнулся. Девочка шагнула вперед и протянула ему свою ручку.

– Вы мне очень понравились, сэр, – сказала она серьезно.

Холмс был явно смущен этим простодушным и трогательным признанием. Он задержал ее ручку в своей и сказал:

– Допустим, лорд Карфакс, что ваш отец – непреклонный человек. И все же отречься от сына! Подобное решение не так просто принять. Поступок вашего брата, наверное, был действительно серьезным.

– Майкл женился против воли отца. – Лорд Карфакс пожал плечами. – Я не имею привычки, мистер Холмс, обсуждать дела моей семьи с незнакомыми людьми, но... – Он погладил блестящие волосы дочери. – Дебора – мой барометр оценки людей;

Я был уверен, что его светлость спросит, почему Холмс интересуется Майклом Осборном, но он этого не сделал.

Холмс, кажется, тоже ожидал этого вопроса. Поскольку он не последовал, Холмс протянул лорду Карфаксу футляр с инструментами.

– Может быть, вы хотели бы взять это себе, ваша светлость?

Лорд Карфакс взял футляр и молча поклонился.

– А теперь... Боюсь, поезд не будет ждать..., нам пора идти. – Холмс посмотрел вниз с высоты своего роста. – Прощайте, Дебора. Знакомство с вами было для нас с доктором Уотсоном одним из приятных событий за долгое время.

– Надеюсь, вы приедете еще, сэр, – ответила девочка. – Когда папа уезжает, здесь так тоскливо.

Пока мы ехали обратно в деревню. Холмс почти все время молчал. Он односложно отвечал на мои замечания и заговорил только, когда мы уже ехали в Лондон. Его худощавое лицо приняло хорошо мне знакомое задумчивое выражение.

– Интересный человек, Уотсон.

– Может быть, – ответил я запальчиво, – но препротивный. Именно люди его положения – слава Богу, их немного! – пятнают репутацию английской аристократии.

Мое возмущение позабавило Холмса.

– Я имею в виду, не *pater'a*, а *filius'a*.

– Сына?

Меня, конечно, тронула несомненная любовь лорда Карфакса к дочери...

– Но вам не показалось, что он слишком откровенен?

– Именно такое впечатление у меня сложилось. Холмс, хотя я не понимаю, как вы об этом догадались.

– Ваше лицо подобно зеркалу, мой дорогой Уотсон, – сказал Холмс.

– Он даже сам признал, что слишком много рассказал о личных делах членов своей семьи.

– Так ли это? Допустим сперва, что он глупый человек. В таком случае это просто любящий отец со слишком длинным языком.

– А если допустить, что он вовсе не глуп?

– Тогда он создал именно тот образ, который хотел создать, чему я склонен верить. Ему известны мое имя и репутация, так же как и ваши, Уотсон. Я сильно сомневаюсь, что он принял нас за добрых самаритян, проделавших столь долгий путь лишь для того, чтобы отдать законному владельцу старый футляр с хирургическими инструментами.

– Почему же это должно было развязать ему язык?

– Он не сказал нам ничего такого, дружище, чего я и без того не знал или не мог легко найти в архивах любой лондонской газеты.

– О чем же он умолчал?

– Мертв его брат Майкл или жив, и поддерживает ли он контакт с братом.

– Из сказанного им я заключаю, что он этого не знает.

– Возможно, Уотсон, он как раз и хотел, чтобы вы пришли к такому заключению. – Прежде чем я успел ответить, Холмс продолжал: – Дело в том, что перед отъездом в Шайрс я кое-что разузнал. Кеннет Осборн, герцог по прямой линии, имел двух сыновей. Младший Майкл, конечно, не наследует никакого титула. Не знаю, вызывало ли это у него чувство зависти, но он вел себя так, что лондонские журналисты дали ему прозвище Буйный. Вы говорили о жестокой нетерпимости его отца, Уотсон. Напротив, известно, что герцог был необычайно снисходителен к младшему сыну. И только когда юноша женился на женщине самой древней профессии, другими словами, на проститутке, терпению отца пришел конец.

– Я начинаю понимать, – пробормотал я. – Движимый злобой или ненавистью, сын решил запятнать титул, который не мог унаследовать.

– Может быть, – сказал Холмс. – Во всяком случае, герцогу было трудно сделать другой вывод.

– Я этого не знал, – сказал я смиренно.

– Вполне естественно, мой дорогой Уотсон, брать сторону обиженного. Но разумнее сначала разобраться, кто в действительности обижен. Что касается герцога, я согласен, что он трудный человек, но он несет свой крест.

– Значит, моя оценка лорда Карфакса тоже ошибочна, – сказал я почти с отчаянием.

– Не знаю, Уотсон. У нас очень мало фактов. Однако он допустил два просчета.

– Я этого не заметил.

– Он также.

Мои мысли были сосредоточены на более широкой проблеме.

– Холмс, – сказал я, – вся эта история очень странная и непонятная. Надо полагать, что наша поездка была вызвана не просто желанием вернуть владельцу утерянную вещь?

Он смотрел в окно вагона.

– Набор хирургических инструментов был доставлен нам домой. Сомневаюсь, чтобы нас приняли за бюро находок.

– Но кто его послал?

– Кто-то, кто хотел, чтобы он попал нам в руки.

– Тогда мы можем только гадать.

– Конечно, Уотсон, я не рискую утверждать, что чую здесь хитрую игру. Но запах сильный. Не исключено, что ваше желание исполнится.

– Какое желание?

– Вы, кажется, недавно предлагали, чтобы я оказал помощь Скотленд-Ярду в деле Джека Потрошителя.

– Холмс!..

– Конечно, нет никаких улик, которые связывали бы Потрошителя с набором хирургических инструментов. Но скальпель отсутствует.

– Я сам подумал об этом. Господи, ведь даже сегодня ночью его могут всадить в тело какой-нибудь несчастной.

– Это одна из возможностей, Уотсон. Скальпель мог быть изъят и символически – тонкий намек на преступного маньяка.

– Почему же тот, кто послал инструменты, не объявился?

– Причин может быть множество. Но одной из главных я считаю страх. Думаю, что со временем мы узнаем правду.

Холмс погрузился в размышления – состояние, которое мне было хорошо известно. Я знал, что сейчас бесполезно продолжать расспросы. Откинувшись на спинку сиденья, я угрюмо смотрел в окно, а поезд мчал нас к Паддингтонскому вокзалу.

ЭЛЛЕРИ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ

Эллери поднял глаза от рукописи.

Грант Эймс, приканчивая энный бокал, с нетерпением спросил:

– Ну как?

Эллери встал, подошел к книжному шкафу. Нахмурившись, он стал искать что-то в книге, которую снял с полки. Грант ждал. Эллери поставил книгу на место, снова сел.

– Кристиансоновская.

Грант смотрел на него, не понимая.

– Согласно справочнику, фирма «Кристиансон» была известным производителем писчебумажных принадлежностей тех времен. На бумаге тетради ее водяной знак.

– Значит, сомнений нет!

– Не в этом дело. Кто-то пытается навязать мне рукопись, но я ее не беру. Если это подлинник, я не могу себе этого позволить. Если это подделка... Эллери рассеянно подергал себя за нос.

– Вы уверены, что ее положили в вашу машину во время той поездки?

– Больше нигде было.

– Надпись сделана женщиной. А сколько там было женщин?

Грант пересчитал по пальцам.

– Четыре.

– Не было ли в их числе книжного червя? Коллекционера? Библиофила? Старушки – синего чулка, от которой пахнет лавандой и мускусом?

– Господь с вами! Четыре юные смазливый милашки, которые старались выглядеть как можно более соблазнительно. В погоне за мужьями, естественно. Честно говоря, Эллери, не думаю, чтобы хоть одна из них могла отличить Шерлока Холмса от Аристофана. Но вы с вашими сверхъестественными способностями могли бы найти виновницу за один вечер.

– Послушайте, Грант, в другое время я бы взялся за игру. Но я вам сказал: у меня очередная запарка. Просто нет ни минуты свободной.

– Значит, на этом вы ставите точку. Маэстро? Можно подумать, что вы литературный поденщик. Я ему даю в руки потрясающую таинственную историю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.